

Игорь Москвин родился в 1963 году в городе Горловке Донецкой области. Учился в Ленинградском механическом институте по специальности проектирование и производство летательных аппаратов. Служил в Группе Советских Войск в Германии. Автор романов, повестей и рассказов, изданных в ряде ведущих московских издательств. Дипломант премии Гоголя.

Игорь Москвин

ЗНОЙ НАД САУР-МОГИЛОЙ

Повесть

Это не документальная повесть, а дань автору Героическим Людям, которые три дня стояли против превосходящих сил противника, не жалея ни сил, ни крови, ни самой жизни.

26

июля, когда запад принимал в гости сияющий диск солнца, на позиции прибыл взвод Медведя: шестнадцать солдат, вооруженных автоматами и пистолетами.

Уставной воинской формы на них не было, но у каждого на правом плече серебряным цветом выделялся шеврон с изображением Георгия Победоносца, над которым золотыми буквами сияло название батальона — «Восток».

С собою принесли несколько ящиков патронов, чтобы пополнить запасы. Вместе с взводом на курган прибыли три расчета: минометчиков, пулеметный и зенитно-ракетный, а также несколько гранатометчиков — всего тридцать пять человек.

Первые сутки дежурства прошли сравнительно спокойно. На курган то и дело залетали снаряды и пули, били по обелиску, оставляя на том все новые раны. Хороший ориентир для пристрелки. Видно, не давал покоя украинским добровольцам из

националистических батальонов памятник освободителям Донбасса от фашистов, как бельмо на глазу возвышался на вершине его воин, со вскинутой кверху рукой с автоматом.

— Сто двадцатый!

— Не-а, сотка, — покачал головой Венька и добавил, смахивая с яблока песчинки. — У сто двадцатого звук насадный такой, томный, словно ему лететь тяжело, а этот легкий, воздушный. Точно сотка.

— Ну да, как ты их различаешь?

Венька, по паспорту Вениамин Менчинский, — молодой человек двадцати лет, бывший студент Донецкой музыкальной академии, а ныне рядовой второй роты. Лицо у него розоватое, только на щеках иногда вспыхивали алые пятна, вместо щетины — золотистый пушок. И глаза по-детски веселые, голубые, с длинными, как у девушки, ресницами. Когда-то он ходил с пышной шевелюрой, теперь был подстрижен почти под ноль. Венька удивленно посмотрел на Семеныча.

— А что их различать? По звуку и так ясно. Во... — он поднял палец. — Шлышишь, из танка шандархнули.

— Ну ты даешь, танк ни с чем не спутаешь, — сказал собеседник и провел по автомату шершавой ладонью.

— Вот точно так и миномет! — ответил Венька, с хрустом откусывая кусок от яблока и продолжая с набитым ртом: — Не перепутаешь.

— Ну да, — Семеныч всегда к месту или нет употреблял это прилипшее к губам «ну да», — я все забываю, что ты у нас композитор и слух должен иметь, как у собаки, — посмотрел на младшего товарища озорным взглядом.

— Семеныч, сколько раз тебе повторять, — устало бросил Венька, — не композитор я, — и с тяжелым вздохом добавил: — и никогда не стану.

— Ну да, мы еще вспоминать будем, как с таким человеком в одном окопе сидели.

— Будешь... — улыбнулся кривой улыбкой Менчинский. — Если живы будем.

— Что такой пессимизм? — вступил в разговор щуплый мужчина средних лет, к которому приклеилось прозвище Насреддин за солдатскую смекалку, проявленную месяц тому назад, когда он был одним из тридцати бойцов, захвативших военную часть, где располагалась Национальная гвардия в Донецке.

Тогда, в апреле-мае, создалась парадоксальная ситуация. Захваты правительственных зданий националистами на Западе страны рассматривались как волеизъявление народа, уставшего жить под управлением президента, успевшего в молодые годы поносить робу зека. Видите ли, население само решило отстранить от власти коррумпированных чиновников. Ко всему прочему, первый закон, который собиралась принять Верховная Рада, очень походил на немецкий лозунг времен тридцатых годов, только там звучало «Германия для немцев», а здесь — «Украина для украинцев»: при том, что больше половины страны разговаривает на «клятом» москальском языке. Да и вообще в Киеве русскоязычный восток страны воспринимали как некий аппендикс, который следовало безжалостно удалить.

Еще не пришедшие к власти оппозиционеры, несколько месяцев мутившие воду на главной площади столицы, поспешили объявить: если сбежавший президент неконституционным образом самоустранился от осуществления конституционных полномочий и не выполняет свои обя-

занности, то Верховная Рада, вопреки основному закону государства, отстраняет его от должности. В первый же день, когда было принято соглашение между действующими властями и митингующими о досрочных президентских выборах. Получается, что произошел банальный вооруженный переворот, когда вторая сторона, подписавшая соглашение об урегулировании политического кризиса и не уверенная, что будет избрана легитимно, решила взять власть сейчас же, пока не утихли страсти.

Правда, не все остаются равнодушными к тому, что в родной стране захватившие опустевшие государственные кресла сразу же объявляют тебя лицом второго сорта, поэтому на Востоке митинги, как и на Западе, перешли к более решительным действиям. Вновь назначенные губернаторами люди не допускались в правительственные учреждения, а народ, как недавно в Киеве, начал сам назначать главами городов и областей представителей, которым доверяет. Так как обстановка в столице оставалась напряженной, назначенные протестующими новые власти на местах в Донецкой и Луганской областях объявили о проведении референдума по самоопределению Восточных областей.

Это был неожиданный шаг. В Киеве считали, что все должно пройти тихо и гладко, ведь народ — стадо: куда поведет пастырь, туда и пойдет. Назначенный врио президента подписал указ об организации Национальной гвардии, которая должна стать опорой пришедших в результате вооруженного переворота заговорщиков, и вслед за этим объявил о крупномасштабной войсковой операции против русскоговорящего народа Донбасса. Власти были уверены, что задушат протесты в зародыше, но на деле оказалось иначе.

Жители восточных областей взялись за оружие, защищая родную землю.

Среди бойцов, штурмовавших здание Национальной гвардии в Донецке, был и Насреддин. Захват обошелся без жертв с обеих сторон. Разоруженных украинских солдат распустили по домам, взяв слово не воевать против народа Донбасса.

Венька помнил, как в октябре или ноябре к ним в музыкальную академию зачастил один импозантный господин с пышной шевелюрой, добродушным лицом, вкрадчивым голосом и манерами мировой знаменитости. Вначале расписывал, как хорошо будет «горомадьянам» жить в свободной стране, когда она присоединится к Европейскому союзу. Все будет по-другому, а уж страны заграничные так и ждут в свои объятия украинцев. Тогда можно разъезжать, куда угодно, учиться в любом заведении, но почему-то умалчивал, что для этого надо иметь соответствующий достаток. Потом начал призывать присоединиться к протесту на площади Независимости, это, мол, самое что ни на есть свободное волеизъявление (которое, кстати, неплохо оплачивалось неизвестными спонсорами, ратующими за свободу «рідної країни» и готовыми отдать не только найтвое добро, но и самую жизнь — правда, не свою, а протестующих). Речи вел незнакомец такие убедительные, что Венька чуть было не купил билет в Киев, но потом пришло отрезвление — пан оказался обычным засланым провокатором, «працюючим за гроші».

Венька откусил от яблока очередной кусок и бросил огрызок в сторону противника, протер тыльной стороной ладони рот, устремив голубые глаза на Насреддина.

— Это не пессимизм, а так, обычное ворчание. Вон эти, — указал

большим пальцем за спину, — могут внести поправки в оптимистическое настроение. Сколько уже на это потратили патронов.

— Ну да, не только патронов, — дополнил Семеныч, пригладил рукой маленькую бородку, напоминавшую растительность вождя мирового пролетариата. Над впалыми глазами немолодого мужчины кустились густые, с белыми волосками, брови. Кругловатое лицо добродушного увальня и его всегда смеющиеся, даже в минуты раздражения, глаза, казалась, никогда не теряют жизнерадостности.

— Венька, какого калибра недавно пандарахнул снаряд?

— Сотка, — ответил Венька. — Не так уж и большой.

— Ну да, если по нам начнут бить, то мало не покажется.

К разговаривающим подошел командир взвода Медведь. Он и вправду походил фигурой на лесного зверя. С виду неуклюжий, но подвижный, хотя никогда не демонстрирующий без надобности своей резкости. На круглом выбритом лице — улыбка, с правой стороны всегда приподнят уголок губ, словно их хозяин с презрением относится к опасности. Видимо, осталось со времен Афганистана, где он участвовал в сорока трех боевых операциях, за которые был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

— Что, ребятки, приуныли? — спросил командир, сняв с головы камуфляжную военную кепку, и пригладил широкой ладонью волосы.

— Да вот, гадаем, — Венька затянулся сигаретой, — ползут сегодня ночью или спать будут?

— Это только Богу и укропскому начальнику ведомо. Но вы не расслабляйтесь, какое-то движение там внизу есть, — командир указал рукой на небольшую лесистую посадку в стороне Снежного, — хотя, как обычно. Постреляют-постреляют и не ползут. Это ж надо быть полным идиотом, чтоб лезть на высотку, склоны которой обстреливаются обороняющимися, и притом голые, как голова Наума.

Бойцы улыбнулись. Наум, бывший шахтер лет тридцати пяти, постоянно брил голову, говоря с улыбкой, что волосы мешают думать.

— Так что дежурство пройдет как всегда, но... — командир погрозил пальцем. — Вы тут без расслабления.

— Это понятно, — подал голос Насреддин. — А что этот, — он кивнул в сторону обелиска, — докладывает?

— Говорит, что в той вон посадке, — Медведь посмотрел в сторону Снежного, — зашевелились. Так что, Веня, напряги свой музыкальный слух.

— Я... — Менчинский засопел. В прошлое дежурство на кургане он так сладко заснул, что командир вначале обозлился на подчиненного, а потом сам до конца отстоял за Веньку на посту. Потом, конечно, нерадивый боец обрел по полной программе. Урок пошел на пользу.

— Да ладно, — подмигнул командир, — кто старое помянет. — Потом тяжело вздохнул: — Дежурство по графику — и никаких вольностей мне. Они, — он опять указал подбородком в сторону противника, — только и ждут наших ошибок.

Саур-могила возвышалась над степью курганом почти в триста метров высотой и была видна с расстояния в сорок километров. Поэтому была во все времена хорошим наблюдательным пунктом. Семьдесят с лишним лет назад здесь шли ожесточенные бои между фашистскими войсками, занимавшими господствующую высоту, и советскими, которые сделали

попытку сбросить противника с вершины. Тогда все удалось. Конечно, не без потерь.

Теперь с кургана наблюдали, как в километрах пяти из Григоровки по направлению к Мариновке и дальше в Луганскую область шла украинская бронированная техника, словно намеревались воевать не с взявшими в руки оружие шахтерами, рабочими, учителями, а с вооруженными до зубов воинскими регулярными частями.

Обелиск из железобетона, поставленный полвека назад в память о кровопролитных боях, возносился над курганом еще на тридцать шесть метров. Вершина стелы представляла собой площадку, обрезанную под углом в сорок пять градусов. Вот на ней и лежал наблюдатель, который фиксировал проходящие колонны и вспышки выстрелов, давал сигнал вниз, чтобы бойцы успели спрятаться от летящего снаряда: время полета было высчитано до секунды.

Вера, лежавший на площадке, наблюдал, как на блок-пост украинцев между Тараном и Дмитровкой прибывают танки, как вертолеты на низкой высоте барражируют вдоль дороги.

— Ребята, — вдруг раздался голос Веры, — здесь к нам в гости две безэмпехи прут. Надо бы их встретить, а то они словно на прогулку собрались.

— Встрэтым, — поднялся до того времени молчавший Грузин, получивший прозвище по национальности, хотя имел интернациональное имя — Георгий. Он действительно был грузином, уехавшим из родной страны, когда к власти пришел Мишико Саакашвили и начались гонения на неугодных. Невысокого роста, коренастый, с черными жесткими волосами, на вид молодой парень (на самом деле зимой отметил тридцать седьмой день рождения).

— Помощь нужна? — спросил кто-то, но Венька не заметил, кто.

— Я сам, — ответил Грузин и добавил, — у мэня ест чэм их встрэтыт, — и удалился.

— Ну да, пока наш славный Грузин занят делом, — Семеныч почесал нос, — укропский Аника-воин наставляет солдат: «Паны-солдаты, наша техника сделана по последнему слову науки и оснащена новейшим компьютером». — «Господин офицер, а у компьютера какая скорость?» — «Для особо бестолковых повторяю: компьютер движется со скоростью танка».

Все засмеялись.

— Считайте, теперь наш Георгий отправит в утиль два укропских агрегата — безэмпеху и компьютер, — сказал Венька.

— И парочку терминаторов.

— Ну да, Веня, ты думаешь, у них компьютеры установлены?

— Не-а, — бывший студент покачал головой, — я думаю, до сих пор у них машины на педальном ходу, они же коммерсанты, все пустили на продажу.

— Ну да, даже страну, — с горечью добавил Семеныч.

БМП приблизились довольно близко, видимо, управляли ими только, что прибывшие призывники, не испытывавшие на себе, что такое летящая пуля или снаряд. Вот и захотели показать удаль: мол, возьмем высоту с налета.

Грузин отошел подальше, чтобы звук выстрела не так ударил по ушам своих товарищей.

Ста метрами ниже находился первый пост, в котором несли дежур-

ство трое — Камчатка, Савва и Автол, — все из пулеметного расчета. Заступившая смена три дня охраняла подступы к кургану, потом следующая. И так уже целый месяц. Никто из нынешней не считал, в который раз сидит в окопах или брошенном кафе у мемориала.

Никогда украинцы не бросали в атаку технику, а если бросали, то как-то лениво, словно засевшие на вершине добровольцы их не беспокоили. Вроде бы наблюдают, но особого вреда не наносят. Дальнобойных пушек нет, а пукалки, которые они имеют, могут напугать только местных ворон. Так считали командиры ВСУ.

Грузин не спешил, время еще было. С почти трехсотметровой высоты казалось, что по пересеченной местности перед курганом ползут два зеленоватых жука: один впереди, второй в нескольких десятках метров позади.

«Прикрывает, что ли?» — промелькнуло у Георгия в голове.

Грузин никогда не служил в войсках, армейскую науку уже усваивал в боевых условиях. Лишних патронов и гранат не имелось, поэтому и навыки обретали сразу. Командиры взводов (а каждый из них в бытность свою был офицером еще Советской Армии) присматривались к добровольцам и уже сами отмечали, кто на что более способен. Медведь сразу подметил, что Грузин хорошо управляется с гранатометом.

Георгий прицелился, прикинул скорость бронемашины, расстояние, которое БМП проедет за время полета гранаты. Прикрыл глаза и отвернулся в сторону, за пару секунд отрешился от происходящего. Потом сжал одной рукой рукоять, вторая служила опорой. Посмотрел вниз на склон, прицелился, затаил дыхание и нажал на спуск. Граната рванула вперед, Грузин смотрел ей в след. Теперь оставалось только ждать.

Граната ударила в борт БМП. Машина остановилась, словно уткнулась передней частью в бетонную стену. Вначале раздался один взрыв, потом второй, помощней. Видимо, сдетонировал боекомплект. Башня подлетела метра на два в воздух и тяжело рухнула, ствол пушки вошел в землю. Голубоватая дымка начала распространяться от пылающего остова машины. Вторая БМП остановилась, потом задним ходом начала на большой скорости отъезжать, виляя из стороны в сторону из-за боязни попасть под вторую гранату. Затем резко развернулась, как на Формуле-1, и начала удаляться.

Вертолет было взял курс на курган, но тут же развернулся и полетел в прежнем направлении, вдоль дороги к Мариновке.

Грузин улыбнулся правым уголком губ.

— Не надо быть наглым, — прошептал Георгий на родном языке и выругался на русском, добавив: — Ми здэсь нэ в бирулки играем.

На нижнем посту Камчатка продолжал держать подбитую БМП на мушке, правда, с улыбкой матернувшись:

— Опередили, так твою перетак! Кто ж там такой шустрый?

— Как кто? Будто не знаешь? — вопросом на вопрос ответил Савва.

— Грузин? — Снова то ли вопрос, то ли утверждение.

— Кто ж еще? Сегодня он на посту.

— Добавить более ничего не могу, — Камчатка отвернулся от покрывающегося сумраком поля. — Полезут? — спросил в пустоту.

— Наверяд ли. Сегодня будут за покой души экипажа пить, не до нас будет.

— А вдруг?

— Отобьемся.

Грузин с минуту полежал на месте, обозревая в бинокль окрестность, чтобы уточнить, не были ли действия БМП отвлекающим маневром, и не ползут ли украинские солдаты по балкам и оврагам на Саур-Могилу.

Но никакого шевеления.

Все спокойно, будто там командиры и не заметили, как поется в песне, «потери бойца».

— Не расслабляться, — послышался голос Медведя, — за внешним спокойствием всегда таится опасность.

— Пока тишина, — подал голос Венька.

— Вот именно, что тишина, — сжал губы командир, потом продолжил: — Бээмпеху потеряли, а ни одного выстрела в нашу сторону, словно не экипаж положили в поле, а букашку. Странно это, не похоже на них: то пуляют от нечего делать, то молчат, когда вроде бы наказать сепаратистов надо, — усмехнулся Медведь и потер ладонью щеку.

— Что странного? В шоке оне пребывают, — вставил все тот же Венька.

— Твоими бы устами.

— А что, командир, сам же говорил о перехвате их разговоров, — напомнил молчавший Насреддин.

В первые дни, когда ополченцы заняли Саур-Могилу, помещение кафе использовали одновременно как штаб, казарму и место хранения боеприпасов. Тогда же рыли окопы, но за целый день углубились только на полметра. Земля твердая, каменистая, неподатливая. Захватили карты украинских солдат, а там курган был показан, как занятый их частью. Первое время ни одна пуля и ни один снаряд не коснулись вершины, зато след за этим противник начал обрабатывать ее не только минами, артиллерийским огнем, но и ракетами системы «Град». Перехватили радиogramму, над которой долго смеялись: «Мы их бьем, бьем, они каждые три дня по два КамАЗа трупиков вывозят, там их тьма — тысяч пять, наверное». Как говорится, у страха глаза велики. Тридцать человек, сменяющихся каждые три дня, приковали к вершине столько украинских сил, что хотелось думать, будто на других участках своим стало хоть немного легче. Украинцы за увоз трупов принимали машины, которые доставляли новую смену и забирали отдежурившую.

Подошел Георгий.

— Молодец, Грузин, — похвалил Медведь, — С одного выстрела на таком расстоянии — не ожидал.

— Я сам нэ ожыдал, командыр, — засмутился Георгий.

— Не кокетничай, — улыбнулся командир. — Вот каждый бы так по одной машине, и остались бы кропы без техники. Вот тогда бы мы посмотрели, на что они способны.

— Командир, — подошел боец по прозвищу Кунашир, лет сорока, с угрюмым лицом, на котором редко появлялась улыбка. Война накладывает свой неповторимый отпечаток на облик, человек становится как будто старше и серьезнее. Шутки воспринимаются иначе, чем в гражданской жизни. Хотя Кунашир любил анекдотами развлекать сослуживцев, сам редко поддавался безудержному веселью. — Что там?

— Наши передают, что в стороне Таранов, Благодатном и Петровском идет скопление укропской техники. Видимо, к чему-то готовятся. Подходят не только танки, но и «Грады».

— Да не слушайте, братцы, вы этих паникеров. У украинцев тысячу раз была возможность повернуть против нас войска, а они вон по дороге

на восток идут и идут. Мы ж как на ладони перед их сушками и вертолетами, сравнивали бы давно с землей.

— А может?

— Ерунда, — отмахнулся Медведь, но потом улыбнулся и погрозил пальцем: — Вы только, братцы, бдительности не теряйте. Кто первым заступает на пост?

— Венька и Семеныч.

— У Семеныча глаз острый, а у Веньки слух, так что можно быть спокойными. А сейчас отдыхать. Утро вечера мудренее.

— Точно, командир. А вот у меня была учительница, так та говорила: даст Бог день, даст и пищу, — подмигнул Насреддин.

— Ты зубы не заговаривай. Марш отдыхать.

В черной темноте ночи скрадывались звуки и если кто-то шумел, то слышалось так, словно источник находится рядом. Венька облокотился о каменистую землю края окопа и не вглядывался в степь, а только слушал ее. В середине дежурства звуки стали отчетливее, послышался лязг железа, рокот моторов, но так далеко, что казалось, будто здесь под темным небом, светящимся мириадами любопытных звезд, никакого зла произойти не может. Вначале монотонность убаюкивала, но Венька старался не терять бдительности. Рядом в окопе сидел Семеныч.

— Ничего не слышишь? — обратился к нему бывший студент.

— Ну да, а что? — шепотом спросил тот, бросая себе под ноги окурок.

— Ты послушай.

Семеныч поднялся со дна окопа и так же, как Венька, облокотился на бруствер.

— Ну да, толком не разберу. Моторы, что ли, работают?

— Именно, — молодой человек подпер рукой щеку, — по звуку вроде танковые, с надрывом воют.

— Ну да, теперь и я слышу, — вглядывался в темноту Семеныч, — собираются в кучу.

— Командиру надо доложить.

— Ну да, утром, а нынче пусть поспит. Весь день на ногах.

— Если на нас попрут?

— Ну да, — усмехнулся Семеныч, — укрупы у немцев учились, — намекал на тактику фашистов в начале Великой Отечественной, когда солдаты Вермахта воевали строго по расписанию: утром артподготовка, после нее — атака, обеденный перерыв, потом снова продвижение вперед, а уж ночью — положенный восьмичасовой сон. Воевавшие украинские националисты (хотя им больше звание «усмиряющих собственное население») переняли манеру воевать у прежних сюзеренов и поэтому сейчас наверняка отдыхают.

— Возможно. А вдруг?

— Ну да, они сейчас скопом пойдут на курган. Кстати, ты не знаешь, что такое танк?

— Как что? — удивился Венька.

— Танк — это возбужденный трактор.

Бойцы не слышали, как подошел командир, слушавший разговор.

— Вот, болтаете... — Медведь тронул, что одного, что второго за плечи, — а враг подкрался бы сзади — и тью-тью, нету говорливых вояк.

— Командир, — тяжело задышал Венька, — не пугай так больше.

— Как не пугать, если вас голыми руками брать можно...

— Ну да, — перебил Семеныч командира, — но бдительности не теряем.

— Вижу, как не теряете.

— Ну да, ты ж сам сказал, что у меня глаза, у Веньки уши. Вот и смотрим, и слушаем.

— Хорошо. Что там? — кивнул подбородком на позиции противника.

— Могу сказать, что в стороне Таранов и Петровском происходит скопление техники, в основном танков.

— Как ты увидел?

— Сам же говорил, что у меня слух хороший.

— Понятно. Сейчас смена придет, отдохайте.

— А...

— Не думаю, чтобы до утра произошло что-то важное, — командир повернулся и пошел к другому посту.

Было тепло, поэтому Венька после положенных часов бодрствования на посту остался под бескрайним небом. Подстелил спальный мешок из тех, что привезли во вторую смену дежурства, да так и оставили на кургане. Все-таки лето переменчивое: сегодня солнце жарит, как на сковороде, а завтра могут набежать тучи и станет неуютно под большими каплями, пусть даже и теплыми.

Медведь прикрыл глаза от поднимающегося на горизонте солнца, пытался рассмотреть, что творится на дороге, но потом поднес к глазам бинокль. Все как обычно: начала движение бронетехника, выпуская небольшие темные клубы сгоревшей солярки. Кузова машин накрыты тентами, поэтому не понять, что под ним: то ли солдаты, то ли боеприпасы.

Начинался новый день необъявленной войны.

На стеле нес вахту Кир.

— Что видно? — сквозь шум радиопомех услышал постовой голос командира.

— Вроде как обычно, — послышался ответ, — шевеление есть, но непонятное.

— Следи в оба.

— Обижает, командир, — Кир отключился.

— Что день грядущий нам готовит? — Самому себе совсем тихо сказал Медведь, с минуту понаблюдал в бинокль и пошел в кафе выпить чаю.

За столом сидели Венька и Семеныч, перед ними паром исходили две железные кружки.

— Ну да, командир, чай будешь? — посмотрел на Медведя Семеныч.

— Не откажусь, — ответил тот, присаживаясь на стул. — Как смена прошла?

— Как всегда, в тишине и покое, — Венька взялся за ручку кружки, — где-то вдаль были слышны моторы, по звуку похожие на танковые и безмашинные. — В общем, все спок.

— Нам настойчиво передают о скоплении техники в Таранах и Петровском. Вот не знаю, к чему это?

— Ну да. Думаешь, на штурм пойдут? На танках на курган? — Семеныч достал еще одну кружку и теперь наливал в нее свежесваренный чай.

— Не знаю, — покачал головой Медведь, — но надо быть готовыми ко всему, — тяжело вздохнул.

— Ну да, это сомнительно, чтобы танки пошли в гору. Чуть что — и кувыркнутся, а быть мишенями у подножья кургана, — пришла очередь Семеныча покачать головой, — не думаю, что они там полные идиоты. Броня-то сверху башни слабая, наши гранатометчики их сразу факелами сделают.

— Возможно, и так, — согласился командир, прихлебывая из кружки чай.

— В первый раз, что ли? — подал голос Венька.

— Ну да, вот именно: что, в первый раз, что ли? Раньше они нас измором брали, снарядами с градами поливали, а сейчас могут солдатиков вперед пустить.

— Они ж как на ладони, — не унимался Венька.

— Ну да, сразу видно, что ты не военный, — задумчиво произнес Семеныч. — Ты правильно мыслишь: если будет серьезная артподготовка, то наверняка надо ждать гостей.

— Вы не расслабляйтесь и за патронами шибче подходите. Нутром чувствую, что-то назревает, — подытожил командир.

Без пяти двенадцать на стеле Кира сменил Наум. Не успел он поднести бинокль к глазам, как со стороны частей ВСУ раздался надрывный грохот, словно десятки орудий одновременно открыли огонь.

Наум успел подать сигнал.

Ополченцы спрятались в укрытие.

И начался сущий ад.

Снаряды 122-миллиметровых орудий ложились по вершине кургана. Складывалось впечатление, что стреляли новобранцы и выпускники училища, которые еще не принимали участие в стрельбах. Но тем и опасен такой непредсказуемый обстрел. К пушкам присоединились «Грады».

От разрывов в воздух взлетали земляные бутоны цветов.

Первые же выстрелы разнесли зенитные установки. Хорошо, что возле них никого не было. Зенитчики оказались запертыми в стеле.

Видимо, командиры ВСУ усвоили преподанные ранее ополченцами уроки. Сперва бомбить курган прилетали два самолета, били по вершине неуправляемыми ракетами, но каждая вторая падала болванкой и не взрывалась. Когда надоело бойцам батальона «Восток» прятаться по нормам от воздушных налетов, было решено попытаться самолеты отогнать и, как ни странно, получилось. 27 июля две украинские двадцать пятые Сушки поплатились за безнаказанные атаки и сброшенные бомбы, сгоревшими свечками украсив здешнюю землю.

Науму спрятаться было негде, он вжимался в бетонную поверхность стелы и шептал молитву, слышанную в детстве от бабушки: «Отче наш, сущий на небеси! Охрани нас от напастей, что упали на нас помимо твоей Всевышней воли! Дай простить врагов наших, ибо они не ведают, что творят. Спаси и сохрани, — добавлял от себя, — друзей моих и дай выйти живыми из этой передраги!»

Сообщать было нечего, хотя и вжимал Наум голову в плечи, но не переставал наблюдать за полем: не показались ли там вражеские солдаты, под прикрытием артиллерийского огня рванувшие вперед на курган. Страшным было то, что снаряды иной раз прошивали стелу насквозь. Хорошо хоть не взрывались — с высоты в тридцать шесть метров не хотелось шлепнуться на асфальт.

Украинцы устроили слишком длинную артподготовку, колошмати-

ли до восьми вечера. Сложилось такое впечатление, что дали возможность Вере заменить Наума.

Вера поднимался на стелу с тяжелым сердцем. А вдруг он, Вера, горловский шахтер, прошедший почти пятнадцать лет в тесном и темном забое, подведет товарищей и не сможет им ничем помочь? Наверху он распластался, сперва начал съезжать вниз, но зацепился ногтями за бетон и подполз к краю обелиска.

Командиры ВСУ, хотя и подводили артиллерийские орудия ближе к кургану, но пока не давали пехоте приказа идти вперед. Видимо, и впрямь уверились, что на кургане пять тысяч ополченцев, и теперь стремились за счет осколочных снарядов сократить цифру до минимального значения.

В восемь часов канонада стихла, словно кто-то взял и выключил в приемнике звук.

Бойцы начали выглядывать, чтобы своими глазами увидеть, что творится вокруг кургана. В ушах звенело и, казалось, что взрывные волны прокатываются по Саур-Могиле, захватывая ее в плен тишины.

Венька после первых взрывов сунул в уши беруши — так било, что мочи не было терпеть. Полуметровый окоп спасал от разрывов. Но иногда горячие дымящиеся куски металла падали рядом. Венька вжимался в землю, закрывая голову руками, словно они могли защитить от смертельных осколков. Его не пронимал страх, но не хотелось вот так от случайного шипящего куска металла принять смерть. В памяти пробегали, как кадры документальной киноленты без звука, воспоминания, и почему-то больше приходили на ум поступки, которыми нельзя гордиться.

Обстрел возобновился минут через пятнадцать, но уже не так интенсивно.

В двенадцатом часу ночи пушки и «Грады» умолкли, но, находясь на волне переговоров ВСУ, Медведь слышал многоголосье, в котором угадывалась только одна цифра «восемь», словно укры потеряли всякую бдительность, уверенные, что курган возьмут с лету после названного утреннего часа. Хотя на обстрел не отвечали, но в поле горели несколько машин, то ли бойцы с нижнего яруса постарались, то ли сами украинцы были настолько беспечны, что себя же и подожгли. Но факт оставался фактом. Дыма видно не было. Он сливался с темнотой, но едкий запах жженой резины проникал в ноздри и вызывал желание чихнуть.

— Я понимаю, что ты за день устал, — с этими словами Медведь подходил к каждому ополченцу, хлопал по плечу, — но завтра будет очень тяжелый день. Укры решили нас отсюда выкурить. Мне переслали информацию, правда, не совсем точную. Но то, что против нас пойдут четыре бригады, это точно. Не могу сказать, сколько в их бригадах солдат, но не мало. Поэтому надо выспаться, чтобы не быть вареной вороной. Ясно?

— Если пойдут ночью? — закономерный вопрос задавал каждый из ополченцев.

— Все указывает на то, что они назначили атаку на восемь утра, — немного подумав, отвечал командир.

— Что ж тогда они колошматили полдня? Не могут сообразить, что мы можем перегруппироваться?

— Вопрос не по адресу, — улыбнулся Медведь, — к сожалению, с их штабами связи не поддерживаю, и спросить о такой бестолковости не у кого.

— Понятно. Значит, восемь утра.

— Да, — коротко отвечал командир и шел дальше, пригибаясь к следующему бойцу.

Ночное небо черным в дырочку куполом висело над степью. Звезды остро сияли, выжимая слезы из глаз бойцов. Они вглядывались на восток, где должен родиться новый день. Потом рассвет полностью охватил небо, засиял на горизонте, окрасил его в красно-розовый цвет, блеснул золотой полосой над землей Донбасса и выкатил на волю желтый диск солнца, еще не слепящий глаза, а словно укутанный каким-то дрожащим маревом.

К половине восьмого 28 июля почти все бойцы находились на позициях.

В окопах за парашетом, на стороне, обращенной к атакующим, были в это время командир Медведь, Угорь, Акура, Рихтовщик и Зяма. Они видели, как украинские войска разворачиваются в цепь с северо-восточного до юго-восточного направления. Хорошая бетонная дорога между ними, ведущая на вершину кургана, оставалась незанятой. Видимо, украинские командиры посчитали, что она находится под прямым прицелом сепаратистов.

— Командир, справа от дороги двадцать четыре танка, четырнадцать БМП и два БТРа, — доложил Зяма.

— Что слева?

— Здесь поменьше: восемь, пять и два, — Угорь провел рукой по поясу, где лежали запасные магазины от Калашникова.

— Понял, — Медведь вытер глаза тыльной стороной ладони. — Ребятки, передайте по цепи: бить прицельно, патроны зря не тратить. Перед нами не люди, а посланные выгнать нас из домов майданные роботы. Понятно?

— Что ж непонятного: бить по укропам, пока сухой травой не станут, — отозвался Рихтовщик. Появился боец в батальоне с месяц тому назад, лохматый, с недельной щетиной и синяком под левым глазом, таким фиолетовым и большим, что, казалось, он никогда не сойдет с его лица. На вопрос «Кто постарался?» ответил не сразу, а прежде почесал небритую щеку. «Пристали тут на днях ко мне майданутые, не понравилось, что я, — он передразнил кого-то, — «по-москальски балакаю». Вот и пришлось им объяснить, кто на Донбассе хозяин». — «И?» — «Что «и»? Уползли на свою Западенщину за зубами». — «Кто они были?» — «Говорю же, какие-то западенцы в украинской форме». — «Так ты солдат отмугузил?» — «А то!» Ребятам в батальоне новый боец сказал, чтобы звали его Рихтовщиком. Это не только профессия — он еще хорошо рожи укропам рихтовал.

— Ждать команды на открытие огня, передайте по цепи, — командир прильнул к биноклю.

— Командир, ты б лучше бинокль в сторону отложил, он зайчики солнечные пускает. Эти же сразу по нему бить начнут, как по ориентиру, — прошептал совсем тихо Кама.

— Знаю, — бросил Медведь, но бинокля не опустил, — надо же быть в курсе, где пастыри этого стада в атаку идут.

— Куда там? — скривил губы Зяма, — сидят себе и самогон попивают, да по рации войсками управляют.

Командир промолчал.

— Пусть патроны тратят. Им, видно, выдали их немеряно.

Пули щелкали по стеле, не оставляя больших следов, отбивая лишь кусочки бетонных пластин. Не видя противника, солдаты ВСУ стреляли, лишь бы освободить магазины.

— Мне кажется или так оно и есть? — спросил Зяма.

— Что? — не расслышал Медведь, повернув голову к ополченцу.

— Им что, за каждый выстрел платят?! — прокричал Зяма. От какофонии автоматных выстрелов, грома танковых пушек, стрекотания крупнокалиберных пулеметов утренняя тишина сбежала в более подходящее место.

— Командир!!! — напрягся от напряжения Угорь. — С нижнего поста передают: от Петровского оврагами идет еще одна колона!

— Сколько?! — в ответ прокричал Медведь.

— Восемь единиц техники и навскидку человек пятьдесят укропов!

— Передай, чтоб начинали внизу!

Через минуту послышались с нижнего поста пулеметные очереди, а между ними одиночные выстрелы автоматов.

— Где Грузин?! — крикнул ближайшим к нему ополченцам Медведь. Георгий явился быстро, словно давно ждал вызова.

— Звал, командир?

— Угу, — кивнул головой Медведь, — возьми гранатомет, сколько унесешь гранат, — и на нижний пост. Там, скорее всего, готовится прорыв укропов. Помогите нашим соседям.

Грузин кивнул и пошел, согнувшись, вдоль парапета.

— Приготовиться!!! — зычно крикнул командир. — Передать по команде. Скоро пехота в атаку пойдет.

— А техника? — Дергал за рукав Зяма.

— Побоятся днища под гранаты подставлять, там у них она тоньше и меньше защищена.

— Ну, если...

— Увидишь.

Командир оказался прав.

Украинские пехотинцы, словно саранча, устремились вверх по склону. Танки и бронемшины, подняв стволы, лупили практически прямой наводкой. Поначалу солдаты побежали, пригибаясь к земле, но почувствовав, что под таким градом пуль и снарядов обороняющиеся не покажут и носа, стали уверенно передвигаться в рост.

Вначале заработал пулемет на нижнем посту — осторожно, выпуская по десятку пуль. В грохоте не слышали, как рванула первая граната. Танк подпрыгнул, словно в живого зверя вонзили копые, потом присел, как от неожиданности, и над ним выросло оранжевое облако, которое черным дымом устремилось вверх. Башню сорвало. Пролетев с десятков метров, она воткнулась пушкой в землю и, словно в замедленной пленке, повалилась вниз, накрыв собой застывшего от ужаса украинского солдата.

— С почином, командир! — крикнул Рихтовщик, но его слова унес грохот взрыва.

— Молодец, Грузин, — прошептал Медведь. — Так им и надо, — щекой ощутил теплое прикосновение автоматного приклада и отдачу от выстрелов.

Наступавшие быстро залегли в редкую траву.

Атака захлебнулась, так и не успев начаться.

Автол вскочил, чтобы поменять позицию. Внезапно сильно грохнуло. За первым разрывом блеснул с треском еще один: экипаж одного из танков получил задание подавить пулеметную точку врага.

Автол не успел сменить позицию.

Грузин видел, как того взрывной волной подбросило в воздух. Георгий

гий поиграл желваками, прицелился и нажал на спуск. Танк вспыхнул ярким факелом, солдаты отбегали от него подальше.

Ополченцы усилили огонь, и им удалось подбить еще два БТРа, которые густо зачадили, но пламени видно не было. Буханье взрывов, свист и визжание пуль, стоны, крики сливались в единый гул. Стволы автоматов и пулеметов раскалились. Люди уже не орали — вместо криков вырывалось какое-то рычание.

Венька сидел на дне окопа, закрыв уши руками. Свист, скрежет, взрывы, жужжание переполняли голову и, казалось, сейчас она разорвется на части. Открыл глаза и посмотрел на небо. Где-то наверху мирно плыли белоснежные ватные облака, а под ними над землей валил черный копящийся дым и гремел смертоносный металл.

В первый раз бывший студент попал в такой переплет. Конечно, бывали и раньше обстрелы, но не такие напряженные.

Семеныч с закрытыми глазами сидел в окопе рядом с Венькой, но автомат из рук не выпускал, поглаживал цевье и что-то про себя шептал, шевеля губами. Было не понять: то ли молится человек Всевышнему, то ли ругает все на свете последними словами.

Издалека раздавались не голоса, а какие-то утробные звуки.

Смена, находившаяся в кафе, расположенном ниже вершины, начала движение к окопам. Первым шел, пригнувшись, Лех, неся в руках гранатомет и боеприпасы к нему, следом шаг в шаг двигались Наум, Фима и Зосим. Украинский коррективщик сработал на славу, между первым и остальной группой начали рваться мины. Лех успел добежать до вершины, где попал под новый обстрел, но уже из танка. Бойца подбросило в воздух, и он свалился на асфальт площадки.

Резким отработанным движением Медведь забросил автомат за спину, схватил Леха под мышки и в три шага оказался с ним в окопе.

Лех застонал и открыл глаза.

— Куда? — Командир осматривал форму бойца: не появится ли где кровавое пятно.

— Не знаю, — скривился Лех, — автомат где?..

— Лежи, — успокоил ополченца командир, — я захватил.

И, сняв тот с плеча, показал бойцу.

Лех пытался сосредоточиться на чем-то, но пустой взгляд скользил по небу.

Он лениво облизнул пересохшие губы.

— Пить...

— Погоди, сейчас.

Боец с жадностью сделал три больших глотка, несколько раз судорожно моргнул глазами и потерял сознание.

Медведь осторожно, прикрываясь парашютом, поглядел вниз и зло выругался. К самому кургану и дальше на вершину вела хорошая дорога, по которой раньше поднимались экскурсанты, приезжавшие поклониться мужеству солдат, в Отечественную защищавших Саур-Могилу.

Теперь по ее бетонке осторожно, словно ощупывая перед собой пространство, двигался украинский танк. Если он поднимется на первую площадку, где в былые времена располагалось кафе для посетителей, тогда вершина будет простреливаться насквозь, и уже им нигде не укрыться от прямых выстрелов.

Вдруг чья-то граната, выпущенная из РПГ, оставляя за собой кудрявый след, рванулась к железной громаде. Медведь не спрятался за укрытие, а, сощурив глаза, с надеждой смотрел за летящим снарядом. Время словно бы застыло. Командир не выдержал, ударил кулаком по бетону и крикнул гранате: «Ну давай, милая, давай!»

Медведь отчетливо увидел, как железо вонзилось в железо там, где находится поворотный механизм башни. Люк наводчика отлетел, — из танка вырвалось красное пламя. Спусти секунду или две внутри рванул боекомплект. Башня подпрыгнула на метр в воздух и упала вниз. Клубы коптящего жирного дыма устремились в небо.

Танк, шедший за только что подбитым, несколько раз нерешительно дернулся, словно механик получал противоречивые команды, а потом покатился назад, уходя с бетонной дороги на степную ковыльную траву.

Опять поле боя обрело звук. Медведь потряс головой, освобождаясь от непонятного чувства медлительности.

Повернул голову к Леху. Тот уже сидел и смотрел вокруг мутными, ничего не понимающими глазами.

— Где-е-е а-автма-а-ат? — снова произнес он протяжно и с заиканием.

— Жив, парнюга, — только и выдавил из себя командир, — ну и слава Богу! Тут твой автомат, тут. Сиди спокойно, — и сунул в руку Леху флягу с водой.

Шедший следом за Лехом Зосим, хотя и вовремя нырнул в окоп, но неудачно: пока падал, несколько мелких осколков полоснули его вскользь по шее, спине и впились в левую руку.

— Черти... — судорожно выдавил из себя боец. Боль была не сильная, но неприятная, особенно мучило жжение.

Украинцы, вопреки международной конвенции, обстреливали ополченцев не только начиненными фосфором зарядами и бомбами, но и применяли снаряды с иглами, типа дротиков внутри. При взрыве целый сноп этих игл разлетался во все стороны, делая из попавшегося на их пути бойца кровавое решето. А если солдат спасался от такой напасти, то все равно без серьезной медицинской помощи было не обойтись. Мог умереть от заражения крови.

В бывшее кафе вошел, шатаясь, Наум, за ствол тащил седьмой РПГ и, чтобы не растаянуть у порога, оперся о стену, прошептал:

— Я — трехсотый, — и повалился вперед, даже не подставив руки для смягчения падения.

К нему подскочили Вера и Казак, перенесли на кровать. Ранение оказалось серьезным, но все здесь уже давно перестали удивляться запасу прочности в человеке. Скажем, как такой тяжелораненый боец добрал до кафе, одному Богу известно.

Вдруг дверь от удара открылась.

Вера схватился за автомат. На пороге стоял Фима.

— Мне нужна помощь, — скривился он от боли. Видно, каждое движение вызывало у него физическое страдание.

— Дойти сможешь? — крикнул Казак.

— Смогу, — и, пошатнувшись, грохнулся на стул, — руки повисли плетью вдоль тела.

— Потерпи чуток, — повернул голову к Науму Вера, — сейчас закончим перевязку Науму.

— Угу.

С Фимы пришлось верхнюю часть камуфляжной формы срезать (снять было невозможно), вслед за ней разрезали синюю футболку.

— Тебе дать наркозу или будешь терпеть?

Неприкосновенный запас спирта стоял в фельдшерской сумке. Не всегда в суматохе найдешь лекарство — а это всегда под рукой.

— Потерплю, — не разжимая зубов, выдавил Наум, только что попавший под снаряд с иглами. Как видно они были на излете, поэтому торчали из тела, как у ежа.

— Терпи, молодец, приступаю, — первая окровавленная иглолка полетела на пол.

Наум даже не вздрогнул, только сильнее сжал зубы.

Заработала треском рация — кто-то вызывал на связь.

Вера кивнул головой Казаку: мол, возьми, кто там.

— Я — Медведь, я — Медведь, вызываю Гнездо. Кто-нибудь меня слышит? Я — Медведь, я — Медведь, вызываю Гнездо...

— Гнездо слушает Медведя, прием.

— Гнездо, я — Медведь. К вам ползет коробочка. Повторяю! К вам ползет коробочка. Как поняли? Прием.

— Медведь, понял. К нам идут гости в количестве одной коробочки, — повторил Казак. — Берем ее на себя. Отбой.

Помехи продолжали шуршать в рации.

— Работай дальше, — Вера поднял РПГ Фимы, — освободи от иголок и перевязи.

— Понял, удачи.

— Да, ладно, — Вера убедился, что гранатомет снаряжен. — Ты за ними следи. Автомат держи под рукой, вдруг эти прорастут рядом. Их же косить надо, пока цветочками не заросли.

— Не трави. Лучше посмотри, где танк. Вдруг у дверей уже стоит.

Вера все-таки прислушался к словам товарища, тихонько начал открывать — и тут же отпрянул, словно нос к носу встретился с облезлым чертом. Вначале не понял, только через секунду сообразил, что в нескольких метрах от дверей движется то вправо, то влево зеленый ствол пушки.

Вера скрипнул зубами, выругался и начал ужом выскальзывать из двери на полусогнутых ногах. Пока двигался, успел подготовить гранатомет к выстрелу.

«Была не была...»

Расстояние казалось таким маленьким, что, протяни руку, и коснешься пушки, нагретой не только солнцем, но и огнем боя.

Вера замер на мгновение — не так легко принимать решение, куда направить гранатомет, когда бронемашина рядом.

Башня начала поворачиваться (то ли заметили врага, то ли кто-то подсказал по рации), — пулемет заработал сухой дробью.

Вера, как учили, нажал спуск и упал на бетон, прикрыв голову руками, хотя такая защита была скорее психологической. Граната четко вошла под башню. Танк, как живой монстр, покачнулся и, лишенный опоры, покатился назад.

Ополченец поднял голову и удивленно посмотрел вслед сползающей с кургана машине: никто не выпрыгивал и из нее не валил дым. Железный монстр замер.

Выглянул — аллея пуста, прищурил глаза и окинул взглядом поле рядом: больше никто не пытался повторить маневр подбитого танка, толь-

ко усеянная трупами сухая трава кланялась летнему ветру. Дальше поле густо укрывал дымовой чадающий туман от горящих машин.

Вера выстрелил по танку еще раз. На этот раз он хорошо прицелился. Через десяток секунд раздался взрыв.

«Попал! — обрадовался Вера, и вытер левую ладонь о камуфляжные брюки. — Горит, милок, хорошо горит».

Хотел выпустить еще несколько гранат, но под рукой их не оказалось, да и ноги почему-то перестали держать. Вера сел прямо на бетон, вытянув их перед собой.

«Сегодня программа выполнена, — его взгляд остановился над крышей кафе, — но эти прут и прут. Что же я расселся?»

Сквозь прорехи в дыму он заметил, что впереди есть небольшая ложбинка. Она начиналась левее бетонки и резко заканчивалась, — простая яма в десяток метров длиной. Рядом с ней подбитый танк, у гусениц лежали несколько трупов.

«Кто-то из наших постарался», — на обсохших губах Веры появилась саркастическая улыбка.

Украинские солдаты было поднимались в атаку, но тотчас падали на землю. Окрики пастухов-командиров никак не могли заставить их под прицелом у врага проявлять чудеса героизма. Поэтому все их атаки затихали, как следует не начавшись. Но зато патронов они не жалели и стреляли по всему, что казалось более или менее опасным. Притом в солдат почему-то вселилась уверенность, что курган обороняют не три десятка бывших гражданских, а кадровая российская армия, вырывшая подземные ходы чуть ли не до границы. Каждая новость в частях распространялась с быстротой баллистической ракеты, обрастая по мере продвижения самыми невероятными и нелепыми слухами. Говорили, что на помощь ополченцам из России прибыли около десяти тысяч танков, которые со дня на день должны вступить в военный конфликт и переломить ситуацию. Другие утверждали, что этого не будет: мол, есть договоренность с руководством НАТО, и с запада уже двинутся армейские составы, чтобы подавить не только смутьянов, но и охладить имперские амбиции российского руководства. Отцы-командиры ВСУ на такие солдатские фантазии явно не реагировали, но день ото дня их лица становились все пасмурнее и грустнее. Воевать — это не в хате горилку пить, здесь ненароком подстрелить могут.

Мины плотно ложились вокруг окопа, но внутрь не попадали. Украинцы опять попытались преодолеть хотя бы несколько метров степи. С высоты было видно, как они выскакивали, пробежали несколько шагов и ложились, потом бежали обратно. Автоматы ополченцев подымали небольшую полоску пыли, показывая, что участок пристрелен. Дальше этой полоски взвздушки не шли. Так повторялось несколько раз.

— Ну да, ты, Веня, не прячь страха и не храбрись. Видишь, они тоже боятся! — Семеныч сунул в губы бывшего студента зажженную сигарету, закурил сам. — Кто ж смерти самому себе желает? Особенно — они, — кивнул подбородком. — Мы с тобой правое дело исполняем, родную землю от врага защищаем. А они что? Пригнали их сюда, как скот, чтобы они для новых хозяев землю освободили. Ты думаешь, они стараться будут? Не-а.

— Так воюют же?

— Ну да, Веня, из-под палки.

— В атаку ж идут?

— Ну да, идут, но это идейные, те, кто всю бучу на майдане устроил. Им повоевать хочется, силу над безоружными показать, да и те, ты думаешь, в атаку идут? Нет, сидят где-то там, — Семеныч показал рукой в сторону Благодатного, — и только подзуживают.

— Философ ты, Семеныч, — отозвался Венька.

— Ну да, есть немного. Я-то к чему речь веду. Мне папаня рассказывал о своем первом бое. Ему тогда восемнадцать стукнуло, ну прям, как ты...

— Мне двадцать, — пробурчал Венька.

— Бывалый! Все одно слушай старика. Моему папашке после первого боя штаны пришлось менять. Страх — он и в Африке страх. А отец у меня строгий был и зазря болтать не стал бы, а здесь такой не очень неприятный случай упомянул. К чему это?

Бывший студент пожал плечами.

— Ну да, страха бояться не следует, он сам уйдет. А за первый бой папашка мой орден получил. Вот и выходит, что страх смелости не помеха. Слышишь? — Поднял палец кверху.

— Тише стало? — с сомнением в голосе произнес Венька.

— Ну да, то ли на перегруппировку отправились, то ли обеденный перерыв.

— Как можно есть после такой бойни?

— Сидят два укропа в окопе. И тут прямо на них выезжает танк со звездой. Один хохол принюхивается и говорит: «Здається мени, Микола, що ти обробився зо страху». — «Та то ни зо страху, то з лютої ненависті...» Вот так потом обед и выходит.

Лех попытался подняться, но ноги не держали.

— Голова болит? — строго спросил Медведь.

— Гудит, как колокол.

— Я спрашиваю, болит?

— Нет.

— Уже хорошо. В глазах не двоится?

Лех легонько покачал головой. Мол, все в порядке.

Казак сам стиснул зубы, вытаскивая иглы из Наума. Тот же безучастно сидел и смотрел в стену — даже не дергался, только расширенные зрачки выдавали боль. Кровь покрывала спину, предплечье и каплями падала на пол.

— Последняя... — прошептал Казак, отбросил в угол иглу, потом вытер рукавом потный лоб и тяжело вздохнул, словно натаскался тяжелых мешков.

Наум хотел поднять раненую руку вверх, но не смог, скривился, правая щека продолжала дергаться в нервном тике, но боец ничего не замечал. Только сейчас боль начала распространяться по телу: вначале поползла волною по спине, спустилась ниже и перекатилась в бедра, потом в икры ног. Ни подняться, ни пошевелиться. Пришла слабость. Наум закрыл глаза и, не покачнувшись, потерял сознание.

Тишина наступила сразу, словно дирижер махнул палочкой и многоголосый снарядо-минный оркестр с осиными нотами металлических пуль умолк. Тотчас бойцам как бы заложило уши. Складывалось такое ощущение, что натолкали туда банальной белой ваты.

Ополченцы с недоумением выглядывали из-за укрытий и рассматривали донецкую степь, ставшую в этот час полем боя.

Вера открыл дверь и шагнул в темное чрево кафе, пахнувшее на него прохладой после уличной жары, сделал несколько шагов и в изнеможении опустился на стул. Пот бисеринками покрывал высокий лоб, а с висков катился тонкими струйками, которые, пересекая щеки, исчезали под курткой.

— Что там? — поинтересовался Казак.

— Сказал бы, как в фильме: «стреляют», но не могу, — устало произнес Вера и размазал по лицу пот. — Затихли.

— Может, выдохлись? — с надеждой в голосе спросил ополченец.

— Не, — Вера провел рукой по коротким волосам, — сегодня они будут идти до конца. Видно, получили приказ, во что бы то ни стало взять курган.

— Значит, скоро полезут.

— Само собой. Над ними начальство стоит. Люди подневольные, послали — пошли, сказали — стоят.

— Что с танком?

Вера поднял за ремень РПГ и опустил на пол.

— Хорошо, что Наум принес, а не бросил в окопе. А ты, Казак, наркарал, — со смешком сказал боец и закашлялся, поднес руку ко рту, но плечи вздрагивали в такт звукам. — Дверь открываю, а там пушка торчит. Не знаю, как получилось, но действовал на автопилоте, кумекать было некогда. Вот я ему под башню и вкатил впопыхах метров с десяти.

— Пстой, — Казак подошел ближе, — тебя не задело?

— Как видишь, крови нет. Свезло. Я, сам не знаю как, вовремя нырнул в укрытие, а танк назад покатился. В нем, наверное, весь экипаж разом отчалил на тот свет. А потом я еще безэмпеху поджег, тоже на каком-то автопилоте, словно не я это был, а кто-то другой, — не прекращал рассказа Вера, видимо, еще не отойдя от шока, полученного в бою. — И из нее никто не выпрыгнул. Также их гранатой накрыло. Даже не могу понять, как так быстро я оружие перезарядил. Точно не я был. Мне казалось, в стороне стою и наблюдаю за собой же. Гранату снарядил, и почти без прицелки бросил. Бац — тамошние укрытия в клочья, даже шинковать не надо.

Казак налил в кружку спирт, молча поднес его ко рту Веры.

Присев, Медведь прислонился спиной к стенке окопа. Ее камешки и твердые комья впились ему в спину, но командир не чувствовал боли. Просто сидел и наслаждался тишиной после напряженного боя, не утихавшей стрельбы и громоыхания взрывов.

Вдруг руки сами отстегнули магазин, и Медведь по армейской привычке проверил, сколько в том осталось патронов. Оказалось, негусто. Он вставил полный и только потом, закрыв глаза, прислушался к окружающим звукам.

— Командир, жив? — Голос Леха прозвучал глухо и почему-то как бы издалека.

Медведь приоткрыл глаза и мутно посмотрел на ополченца.

— Как самочувствие, боец?

— Да, вроде, отпустило, и голова не так гудит.

— Это хорошо, не то сейчас опять тараканы в гору полезут.

— Патроны есть, так что встретим, как полагается. С оркестром, — Леха погладил автомат. — Сам-то как?

— Да ничего, держусь.

— Пока тихо, с другой стороны парашета займу позицию.

— Давай, только аккуратнее, голову не подставляй, — улыбнулся Медведь, — да и другие части тела тоже.

Складывалось впечатление, что у украинского войска закончились боеприпасы, ведь били они по кургану не один час. Столько металла не получала Саур-Могила со времен Отечественной войны.

Наконец тишина незаметно стала наполняться звуками: заработали с надрывным глухим стоном двигателя, послышались крики командиров, но какие они отдавали приказы, понять было нельзя. Скорее всего, готовили солдат к новой атаке.

И сразу же застрекотали, забухали, затрещали пулеметы, автоматы, минометы, пушки.

Краем глаза Медведь увидел, как какой-то его боец упал плашмя, широко раскинув перед собой руки, словно хотел обнять в последний миг родную землю. Понять, кто, командир так и не смог.

Лех с разгону вскочил в свежую, пахнущую горелым воронку. Где-то совсем рядом рвались мины, сотрясая воздух и поднимая пыльные облака.

Лех лежал на боку в позе эмбриона, поджав ноги к самому подбородку. В правой руке он судорожно сжимал автомат. Ополченец никак не мог вспомнить, что заставило его броситься в воронку. Как видно, сказывалась контузия.

Семеныч перед каждым залпом сосредоточенно целился во врага, и ни одной пули не тратил зря: выпускал их, как когда-то в мирные дни в парковом тире, точно в яблочко. Большую часть прожитых лет он посвятил учительству, стремясь в первую очередь привить молодому поколению идеи доброго, справедливого, вечного, но вот на старости лет пришлось взять в руки оружие, чтобы это доброе, справедливое, вечное не исчезло, а продолжало жить, не становясь пародией, как это произошло, скажем, на том же майдане: ратовали за свержение коррумпированной власти, а пришла еще более коррумпированная, к тому же и не законным способом (ибо не имела сил и возможностей переубедить народ в своей правоте), а посредством обычного переворота, который в любой стране мира соответствующим образом подавляется. Видимо, слабая личность возглавляла государство, слабая.

Семеныч раз за разом нажимал на курок: не привыкшие к резкому грохоту глаза при каждом выстреле машинально закрывались, а зубы сжимались до боли. Его пули били в живую цель, но учитель ни на миг не усомнился в правильности того, что он здесь и что он тут делает. «За свободу можно отдать жизнь, — мелькало в его голове. — Можно».

Страх все еще витал над Венькой, лежавшем в воронке. Он невольно вздрагивал от каждой пролетающей над ним пули и никак не мог привыкнуть к тому, что если ты пулю слышишь, то она для тебя не опасна. Двадцать лет ему, всего двадцать лет, а он уже участвует в войне. Конечно, можно было бросить все и рвануть куда-нибудь подальше. Но разве такое для него возможно? Как это? Предать родные места, где тебя воспитали, дали первые уроки доброты, где тебе знаком каждый камень и каждое дерево?

Ему было страшно и в тоже время стыдно за себя, что не умеет как следует держать себя в руках.

Вера хлебнул поднесенный к губам спирт, словно выпил пару глотков родниковой воды.

— Полегчало? — спросил Казак.

Вера только пожал плечами.

— Будем считать, что полегчало, — Казак поставил кружку на край стола. — О! — повернул голову к входу. — Слышишь? Началось.

— Угу.

— Второй акт марлезонского балета. Мне сдается, что сегодня они получили приказ выкурить нас с высоты.

— С чего бы? — оживился Вера.

— Похоже, даже наше присутствие здесь им мешает. Скорее всего, они задумали полномасштабную операцию по очистке этого края от нас.

— Наверное, ты прав. Вчера они долбили почти целый день, сегодня в наступление пошли. Там, в поле, не одна их машина горит, а они все прут и прут.

— Ничего, в других местах им не слаще. Пошли. Кроме нас, защищать высоту никому.

— Это правда.

Медведь хотел сменить позицию и побежал к соседней, еще дымящейся воронке, которую заметил несколько минут назад: в одно место дважды снаряд не попадает. Но не успел прыгнуть в нее, как рядом вздыбилась взрывом земля, и командира спиной отбросило назад. Осколки не миновали его: в живот, в бедро правой ноги, один скользнул по левому плечу и срезал лентой кожу. Сперва Медведь не почувствовал боли, только какие-то не очень сильные толчки. Спустя несколько минут горячая волна пробежала по телу, и командир понял, что ранен. Однако решил терпеть, по возможности не обращая на это внимания. Пальцы работали автоматически. Раз — и граната в стволе, два — направил под углом автомат вверх, чтобы дальше летела по пологой траектории, три — нажал указательным пальцем левой руки на спусковой крючок, — и смертоносное изобретение человека ушло в сторону противника. Там ударилось о землю, подскочило на высоту около метра и осыпало врага разящими осколками в радиусе пяти метров. Потом все по новой — и опять заряд летит во врага.

Лех упал рядом.

— Командир, жив?

— Наверное, — нарочито громко отозвался Медведь.

— Давай, перевяжу.

— Не стоит, — и сплюнул на дно кровью. — Не хочется, парень, каркать, но, видно, мне из боя живым не уйти.

— Брось...

Медведь тяжело вздохнул и поморщился (то ли от боли, то ли от больших мыслей). Никогда он себя так хреново не чувствовал, даже в Афгане, где в разных переплетах доводилось бывать.

— Может, перевязать все-таки?

— Не надо. Не поможет. Лучше принес бы заряды для подствольника, их у меня осталось совсем немного.

— Попробую. Но, может быть, с тобой вместе?

— Не надо, я буду тебе обузой. Пристрелят обоих.

Казак змеей юркнул за стену кафе, вслед за ним Вера. Боеприпасы своей тяжестью придавили бойцов к земле. В голове стучала не просто - мысль о том, чтобы не пустить на вершину врага, там было настоящее солдатское упрямство, замешанное на презрительном отношении к смерти. Если отцы и деды полили каждый сантиметр кургана своей кровью и кровью товарищей, то они, нынешнее поколение, разве хуже их?

Лех вернулся к Медведю не только с запасными зарядами для подствольника, но и с медицинской сумкой.

— Давай, командир, без разговоров. Не то кровью истечешь или заражение получишь.

— Лех, они же лезут, — хотел было отмахнуться тот, но ополченец уже сноровисто приступил к перевязке.

— Никуда они не денутся, со страха штаны от земли оторвать не могут. Лежи, не двигайся.

Вначале Лех обрезал вокруг ран одежду, потом полил их края антисептиком.

— Терпи.

Медведь сжал зубы.

Через несколько минут Лех закончил.

— Вот теперь можно и укропами заняться, командир.

Венька натянул пониже кепку, чтобы хоть как-то закрыть уши от нестерпимого шума и воя. Нажимал на курок, как учили, чтобы все пули не улетали в одном залпе. Раз — и два-три выстрела.

Поначалу Венька целился во вражеских солдат, как в мишень, но чем ближе они подходили, тем становились все более осозаемыми. Он физически чувствовал, как выпущенные ими пули словно ищут его смерть.

Венька вдруг поймал себя на том, что в его голове звучала четвертая часть Третьей симфонии Бетховена, больше известная, как Героическая. Наполненная победным ликованием мелодия соединяла в едином звучании весь оркестр, словно призывала быть внимательным. Выразительная тема оттенялась мощным пиццикато струнной группы, потом начиналась неторопливая импровизация, переходящая в басы, и только здесь прояснялось, что основная тема финала — совсем иная: певучий контрданс, исполняемый деревянными духовыми. В головокружительно быстрой коде вновь звучали раскатистые пассажи, открывавшие финал. Мощные аккорды завершали праздник победным ликованием, — ликованием Венькиных автоматных очередей.

— Что задумался? — склонился почти к самому уху Веньки Семеныч.

— А?

— Что задумался, говорю? — повторил вопрос сосед по окопу.

— Музыку слушаю, — ответил почти криком бывший студент, не отвываясь от автомата.

— Музыку? Это как? — изумился Семеныч.

— В голове, — сквозь зубы процедил Венька, на секунду отвлекся от стрельбы и дотронулся до гранат, лежавших в нише, словно хотел убедиться, что они на месте.

Танки расстреливали вершину кургана, приседая при каждом залпе. БМП били калибром поменьше, но довольно часто. Однако стела, прошитая насквозь множеством снарядов, так и стояла, а флаг на самом ее верху так и продолжал развеваться назло противнику — пробитый, со следами копоти, с обгорелыми краями.

Темнота наступила резко, словно в комнате нажали на электрический выключатель, и лампочка погасла. Заурчали двигатели танков, бронетранспортеров и БМП. Ополченцы приготовились к очередной атаке, но ждали напрасно. Видимо, не были шуткой слова, что украинская армия переняла фашистские воинские традиции. В общем, наступавшие укатили на ужин и сон.

Медведь послал Леха проверить, сколько осталось ополченцев, способных держать оружие в руках. Таких оказалось только восемь. На одном Венке не было ни единой царапины, остальных задело, но вскользь. Убитых унесли в кафе, которое теперь стало временным местом упокоения бойцов. Вот чего хватало, так это боеприпасов.

Командир распорядился, чтобы не смыкали глаз. Под покровом темноты украинцы могли подобраться ближе и забросать гранатами оставшихся бойцов.

Медведь унести себя с позиции не позволил:

— Ребята, не старайтесь. Меня с места не сдвинете, — с иронией поспеивался командир, произнося слова сквозь мелкий кашель. — Принеси, Лех, лучше патронов. И передай нашим, чтобы выслали подкрепление, не сдюжим мы против этой армады.

— Сейчас передам, — кивнул Лех, но не успел он отойти на пару шагов, как что-то заставило повернуть назад, склониться над Медведем. Тот в последний раз взглянул на ополченца, больно сдавив его руку, и отчетливо проговорил:

— Как же их много!

Пальцы ослабли, и голова командира склонилась на правое плечо.

Он не дышал.

Лех прикрыл глаза Медведю и смахнул выступившие слезы.

Ночь вступала в свои законные права. По небу лениво скользили темные разрозненные облачка, иногда закрывая собой отсвечивающую серебряным светом луну. Перед курганом догорали подбитые машины. Эта сюрреалистическая картина сопровождалась иногда треском или одинокими взрывами.

— Командир... — сказал Лех, вернувшись к окопам, и не стал продолжать.

Семеныч снял головной убор, бывший студент вслед за ним стащил свой.

— Кто теперь у нас за него? — На скулах Семеныча играли желваки, он не мог выговорить «старший».

— Угорь.

— Понятно, — немного помолчал тот и снова спросил: — Подкрепление будет?

— Обещали, — глухо сказал Лех и после некоторой паузы добавил: — Но после Авдеевки, я думаю, вряд ли.

— Дела, — выговорил Венка. — Скажите мне: отчего укропы нас в кольцо не взяли?

— Тебе не понятно?

— Не-а.

— Они же себя же начнут бить.

— Как это?

— Веня, Веня, сразу видно в тебе гражданского человека. Вот представь круг и проведи в нем в разных направлениях через центр линии.

Они же соединят окружность, а значит, все снаряды и пули, которые в нас не попали, будут бить по своим.

— Понятно, — выдохнул бывший студент, — а я-то...

Где-то внизу послышалось шуршание, совсем тихое. Складывалось впечатление, что идет какая-то группа, стараясь не шуметь. Спустя несколько секунд на фоне неба показались темные силуэты.

— Стой!

Фигуры замерли.

— Кто идет? — негромко, но и не очень тихо сказал Лех.

— Свои, — прозвучал глухой голос.

— Кто свои?

— Восток, — послышался неуверенный тон.

— Какой? — Лех понял, что это не подкрепление, а украинское подразделение.

— Сказано ж, свои, — снова послышалось шуршание травы, незнакомцы приблизились на пару шагов.

Венька выглянул из-за бруствера, Семеныч с другой стороны. Предательская луна как специально освещала участок обороны и группу солдат.

Кто-то не выдержал и наглым голосом с фырканьем произнес:

— Выходи, або стреляю, та сюды командыра давай.

— Гады, — прохрипел Венька и нажал на спусковой крючок. Автомат затрепал, и пули веером полетели в противника. Кто-то хрюкнул, забулькал, словно кровь пошла горлом. Семеныч со своей стороны дал очередь. Послышались удаляющиеся шаги. На земле остались лежать несколько черных, напоминающих брошенные мешки, тел.

Спустя полминуты со стороны противника послышался отборный мат на русском языке и плотный пулеметный в сочетании с автоматным огонь.

— Полезли все-таки, не утерпели, — сквозь зубы проговорил Лех, — меняйте позицию, они по вспышкам засекали.

Самый сложный бой — ночной. По существу, это битва одиночек, когда власть солдата не ограничена, когда решает исход его смелость, чутье, находчивость, собственная инициатива, и самое главное — инстинкт. Здесь отсутствует азарт дневной атаки, нет чувства, когда рядом ощущаешь присутствие брата по оружию.

Пули свистели над самой головой.

Венька бросил одну за другой несколько гранат. Дергал за чеку и кидал через бруствер вниз по кургану, насколько хватало сил. Прикрывал рукой глаза, чтобы не ослепнуть на несколько таких важных минут. Казалось, украинцы уже у самых окопов.

Кто-то вдруг навалился на бывшего студента. Венька отпрянул и с размаху ударил нападавшего гранатой по голове. Автомат был где-то рядом, но его в темноте сразу не найти. Больше у бывшего студента для самообороны ничего не нашлось. Венька не видел, но почувствовал, как кто-то грузно осел на дно окопа.

Гранаты снова полетели во врага.

Неожиданно ударило по глазам вспышкой, комьями сухой земли и осколками камней.

Очнувшись, Венька поморщился от резкой боли в правой руке. Тошнота подступала к горлу, обожженному сухостью. До того хотелось пить, что, казалось, язык прилип к небу, распух до невероятных размеров. Было больно глотать. Бывший студент сумел приоткрыть глаза. Вокруг

летали разноцветные круги (сначала они двоились, потом начали тройиться), раскачивались и плыли куда-то вверх, к сияющему месяцу. Прежде чем вновь закрыть глаза, Венька услышал голоса Семеныча и Леха.

— Слава Богу, жив. Кажется, только руку задело.

— Родился парень в рубашке.

Когда сознание начало проясняться, Венька понял, как ему повезло. Рядом взорвалась граната, и только один осколок вонзился в руку чуть выше локтя, остальные пролетели мимо.

— Повезло.

Противник откатился волной назад и залег тихо, почти не дыша. Наступила тишина.

Наум замер. Боль не отступала и притупляла мысли. Ополченец лихорадочно вспоминал, где положил автомат. Ни под собой, ни на себе, ни рядом его не было. Потом его вдруг озарило, что возле двери он видел в ящиках простые гранаты с рифленой, почти квадратной насечкой. Подошел к выходу, и только сейчас обратил внимание, что вдоль стен, укрытые брезентом, лежат чем-то туго наполненные мешки. Покачал головой: «Это же убитые!»

Сквозь щель в двери Наум увидел какие-то силуэты, приближавшиеся к зданию кафе.

Сжал гранату до хруста в пальцах. Второй рукой выдернуть чеку было затруднительно, поэтому приготовился рвануть зубами.

«Один раз живем, один, — билось в висках. — Они тоже один, зато...»

Дернул чеку — зубы сорвались с металла. Хотел второй раз, но от двери раздался шепот. Наум узнал Леха.

— Есть кто живой?

— Почти, — с облегчением выдавил из себя Наум.

— А ты?

Лех промолчал, потом точно так же тихо добавил:

— Командир погиб.

— Недолго и нам осталось, — Наум с трудом держался на ногах.

— Не каркай, я еще во Львов хочу войти с нашим знаменем.

— Подкрепление будет?

— Спроси что-нибудь полегче.

— Кто за старшего?

— Угорь.

— Толковый малый, но горячий. Сколько наших осталось?

— Восемь.

— А остальные? — посуровел Наум.

— Половина раненых, половина... двухсотых, — не смог Лех произнести слово «убитых».

Угорь, принявший командование на себя, находился в стеле с тремя бойцами, когда на вершину, лязгая гусеницами, ворвались три танка, бронетранспортер и БМП. Вначале показалось, что вот и наступил последний час. Пользуясь темнотой, новый командир приказал покинуть памятник и всем спуститься к кафе. Сам же вызвал штаб по радиации, которая уцелела в окопе Медведя.

— Сокол, я — Угорь, Сокол, я — Угорь.

Сквозь треск помех послышался осипший голос.

— Угорь, я — Сокол. Прием. Сколько вас осталось?

— Восемь. Командир погиб. На вершине укроповские танки, поэтому цель — стела. Просим огонь из всех орудий. Вызываем огонь на себя.

— Угорь, вы...

Командир не дал договорить.

— Огонь, ориентир стела.

— Угорь, тебя понял.

— Сокол, ждем гостей, прием.

— Прием.

Спустя полминуты раздался треск и тот же осипший голос сказал:

— Угорь, это Сокол, прием!

— Я — Угорь.

— Просим подтверждения ранее переданной информации.

— Сокол, я — Угорь, ориентир стела, огонь из всех орудий. Прием.

— Угорь, я — Сокол, подтверждение принято, прием.

Через несколько минут по вершине кургана заработали тяжелые минометы — сперва как-то лениво, словно оцупывали территорию вокруг стелы или боялись задеть оставшихся ополченцев. Потом заговорили «Грады». То ли стела уже давно была под прицелом, то ли управляли огнем хорошие специалисты, но ракеты плотно легли на указанной площади, — ополченцы едва успели спрятаться в окопах.

Угорь нырнул на самое дно. Взрыв раздался рядом, в нескольких метрах, осколки разлетелись, земля засыпала с головой. Новый командир и вправду получил свой позывной от морской рыбы, юркой и быстрой. Вынырнул — и сразу же объявил, отплеываясь от въедливой пыли:

— Вот это хорошо накрыли! Прямо по головам!

Обстрел продолжился, опять полетели мины, потом осколочно-фугасные, а в завершение еще раз отработали огненные «Грады».

Украинские солдаты прятались под своими бронированными монстрами. Через несколько часов канонада прекратилась, и Угорь услышал панический голос:

— Командыр, пора ноги робыты, поляжем вси тут.

— Техника цела?

— Ни, всѣ трѣбуе рѣмонту.

Возле техники началась суета, из поврежденных БМП и бронетранспортера спешно сливали дизельное топливо, чтобы можно было с вершины увезти хотя бы танки, забирали оставшийся боекомплект.

Угорь молил Бога, чтобы не заработала рация и не выдала ополченцев.

Взревели двигатели — и танки, выплюнув мутные дымовые облачка, сперва задним ходом, а потом, развернувшись, укатили вниз к своим войскам.

Сердце Веньки не могло успокоиться, билось, словно молот в кузнечном цехе. В потной руке он сжимал гранату, чтобы при появлении врага молниеносно сорвать чеку. «Погибать, так с музыкой», — никакая другая мысль в голову не приходила. В батальоне как-то рассказали, что украинские солдаты в плен берут с большой неохотой, да и то, чтобы потом из ополченца сделать мишень. В их мозги прочно вошла майдановская фраза: «Москаляку — на гиялку»!

Угорь связался со штабом и доложил, что укрупы эвакуировались, но без помощи удержать высоту будет невозможно. Осталось всего восемь

человек, способных держать оружие в руках. Потом с горечью в голосе добавил, что семь: Венька уже не сможет полноценно вести бой.

Угорь прошел по окопам и укреплениям, чтобы убедиться, не вышел ли кто еще из строя. Но оказалось, ни один снаряд, ни одна мина, ни одна ракета «Града», ни один осколок не задел ополченцев, что само по себе было чудом.

— Думаю, до утра эти, — Угорь кивнул головой в сторону украинских частей, — не сунутся. Получили по полной. Можете немного отдохнуть, но вполглаза, бдительности не терять.

И действительно, до восхода солнца наступила звенящая тишина, не пели птицы, не ревели двигатели машин, не лязгал металл. Видимо, взсущные начальники склонились над картами и напряженно размышляли, каким способом выкурить с вершины господствующего кургана этих «клятых москалей-ополченцев».

Но в седьмом часу утра вдруг заговорили установки советских времен под названием «НОНЫ». Скорее всего, противник осознал, что засевшие на кургане люди имеют прямую связь с артиллерией, способны работать наблюдателями и наводчиками. И действительно, после начала обстрела укрупы получили достойные ответные удары: для них начался настоящий ад.

Поддерживая раненую руку, Венька со строгим уважением наблюдал, как ракеты «Градов» кучно ложатся среди скопившейся вражеской техники. Между танками и БМП металась фигурки людей, тщетно пытаясь спрятаться от смертоносных осколков.

И как ни сильна была боль в руке, одна четкая, суровая мысль сейчас заглушала ее в Венькиной душе: «Я живу на родной земле, здесь родился и вырос, здесь росли мои родители и родители их родителей, здесь босоногим мальчуганом я бегал тайком на ставок, в первый раз влюбился, начал изучать русский алфавит и складывать буквы в слова. А зачем сюда, убивая нас, наших стариков, жен и детей пришли вы, чужие люди? Кто вас сюда звал?..»

